

УДК 80/81

ФЕНОМЕН СТЁБА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

КОРНИЛОВ Николай Викторович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье рассматривается стёб, ставший очень популярным явлением в массовой культуре XXI века. Автор даёт этимологическое толкование данного термина, приводит точки зрения разных исследователей относительно сложной природы стёба. Утверждается, что этот феномен носит игровой и пародийный характер, поэтому его идейные истоки следует искать в народной смеховой культуре Средневековья, ярким проявлением которой является карнавал. Кроме того, в публикации поднимается вопрос о возникновении стёба в нашей стране, о его типологии и негативных последствиях для современного общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: массовая культура, пародия, ирония, стёб, карнавал, мениппея, негативная идентификация.

KORNILOV N.V.

Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs

THE PHENOMENON OF BANTER IN THE INFORMATION SOCIETY

ABSTRACT. This article discusses banter that has become a very popular phenomenon in the popular culture of the XXI century. The author gives an etymological interpretation of the term and presents points of views of various researchers on the complex nature of banter. It is obvious that this phenomenon is a game and parody, so its ideological origins must be sought in the culture of folk humor of the Middle Ages, which is a clear manifestation of the carnival. In addition, the paper raises the question of the origin of banter in our country, its typology and the negative consequences of banter for the modern society.

KEY WORDS: mass Culture, parody, irony, banter, carnival, Menippean satire, negative identification.

Как известно, для массовой культуры XXI века, активно развивающейся в эпоху постмодерна, высокие традиции прошлого уже не являются ценностью. Вместо них создаётся мир так называемых симулякров (от лат. *simulacrum* – «подобие, видимость»). Сегодня пытаются стереть границы, отделяющие духовное от бездуховного, уравнять профанное с сакральным. Справедливо замечено, что современный человек «знает и ценит только то, что находится у него "ниже сердца"», поэтому душу, дух и интеллект он часто воспринимает как «рудименты старины» [10, с. 147].

В этих условиях стали очень популярными пародия и ирония, мишенью для которых, к сожалению, часто становятся духовные ценности. Более того, «простота и примитивность тематики общения, его структуры и общего стиля определяют стилистическую "сниженность", вульгаризованность, а также широкое применение грубого смеха как наиболее подходящего из всего многообразия видов и форм осмеяния» [9, с. 83]. Возникают игровые формы коммуникации, среди которых можно особо выделить так называемый *стёб*, под которым часто понимают «род интеллектуального ёрничества, состоящий в снижении символов через демонстративное использование их в пародийном контексте» [12, с. 147]. Этот феномен традиционно принято рассматривать как деструктивное и негативное явление.

Любопытно отметить, что слово «стёб» этимологически восходит к глаголу «стебать», у которого в «Толковом словаре живого великорусского языка»

В.И. Даля (1801–1872) зафиксировано значение «хлестать, бить прутом» [13, с. 522], так что изначально этот термин содержит в своей семантике элементы, связанные с ценностным снижением и умалением.

Среди исследователей нет единого мнения о природе стёба. В специальной литературе можно найти разные определения. Для одних авторов стёб – это ирония, насмешка, «смех ради смеха», «мусорный юмор» (В.Г. Костомаров, С.А. Кузнецов, Н.В. Романова) [4, с. 1264; 18, с. 242; 20, с. 50], для других – разновидность жаргона [19, с. 22], для третьих – «глумление над добродетелями» (Ю.Л. Нестеренко) [16], для четвёртых – распространённая форма восприятия и мышления эпохи постмодернизма в России (А.П. Фомин) [21, с. 25], для пятых – «социокультурный феномен», «форма негативной самоидентификации», заключающаяся «в ироническом преуменьшении ценностей и символики иных социальных групп» (Н.Е. Вокуев) [7, с. 30; 8, с. 161], для шестых – современный газетный жанр, в котором активно используются просторечия и вульгарная лексика [14, с. 73]. Наконец, для некоторых стёб – это «приём двойного кодирования», который использовали писатели и публицисты в СССР (например В.Б. Шкловский) и который продолжают активно использовать современные писатели в эпоху постмодернизма (например В.О. Пелевин) [3, с. 101–102; 17, с. 282].

Подобное обилие подходов позволяет считать стёб многоаспектным, ещё недостаточно изученным явлением. Очевидно, что во многих его определени-

ях подчеркивается наличие таких признаков, как *насмешка, игра, снижение ценностного начала*.

Идейные истоки данного феномена следует искать в народной смеховой культуре Средневековья, ярким воплощением которой, как известно, является *карнавал*. Он, по мнению М.М. Бахтина (1895–1975), «сближает, объединяет, обручает и сочетает священное с профанным, высокое с низким, великое с ничтожным, мудрое с глупым и т.п.» [1, с. 139]. В карнавале, как и в современном стёбе, «вольное фамильярное отношение распространяется на всё: на все ценности, мысли, явления и вещи» [1, с. 139]. Такая жизнь выведена «из своей о б ы ч н о й колеи, в какой-то мере «жизнь наизнанку», «мир наоборот» [1, с. 138], где наблюдается «логика непрерывных перемещений верха и низа («колесо»), лица и зада» [2, с. 16]. Кроме того, М.М. Бахтин верно отмечал, что карнавал предполагает профанацию, то есть разного рода кощунства и непристойности, «связанные с производительной силой земли и тела» [1, с. 139].

Принимая во внимание родство карнавала и стёба, некоторые авторы (А.С. Кугаевский) определяют последний как карнавализованную форму критики, которая реализуется «либо через прямую диффамацию (от лат. *diffamatio* – «разглашение, распространение» [прим. – Н.К.] объекта стёба (из анекдота про прапорщика: "...траншею копать от меня до следующего дуба"), либо через гипертрофирование и доведение до абсурда его характерных черт/сторон, часто положительных (из анекдота про Ленина: "...побрился и бритвочку на место положил... а ведь мог и полоснуть!")), и, как следствие, их отрыв от образа объекта, в результате которого реалистичность образа в глазах аудитории рассыпается, а вслед за ней разрушается и сам исходный образ» [15, с. 145].

Принято считать, что стёб как «особый стиль общения, как специфический язык интеллигентской и молодёжной тусовки» возник в нашей стране в 1970–1980 гг., когда он был противопоставлен «официальному политико-патетическому жаргону, а заодно и всему великому русскому языку, позволившему себя редуцировать до партийного «новояза». Исследователи полагают, что «это была своеобразная культурная самооборона, весьма, впрочем, глухая и не всегда ясно осознаваемая носителями языка» [19, с. 22 – 23] (см. также [6, с. 159; 11, с. 30; 20, с. 51]).

Светлана Бойм – профессор Гарвардского университета, – рассматривая стёб сквозь призму такого литературного приёма, как остранение, делает вывод о том, что данное явление представляет собой особую форму советского двойного сознания, во многом определявшегося идеологией той эпохи и одновременно избежавшего её. Стёб, по её мнению, «подмигивание, при котором глаза полагалось держать полузакрытыми» [3, с. 117]. Советская партийная риторика ушла в прошлое, а «стебать» продолжают и сегодня, внося деструктивность в жизнь современного общества. Стало очевидно, что создать культуру с помощью стёба невозможно.

Н.Е. Вокуев, сравнивая стёб с пародией, утверждает, что первый, в отличие от второй, «всегда так или иначе связанный со стихией комического, с высмеиванием, предполагает именно десакрализацию объекта» [7, с. 34; 8, с. 163], тогда как при пародировании, как справедливо заметил ещё В.В. Шкловский (1893–1984), кроме десакрализа-

ции, наблюдаются и такие виды искажений текста, как канонизация, демифологизация [5].

Стёб часто соотносят и с таким литературным жанром, как мениппея, которая, по мысли М.М. Бахтина, «свободна от предания и не скована никакими требованиями внешнего жизненного правдоподобия» [1, с. 129]. Считается, что стёб, как и мениппея, «характеризуется установкой на скандал, эксцентрику, неуместность» [7, с. 35; 8, с. 162]. Язык этих категорий включает в себя так называемое «неуместное слово», являющееся таковым «или по своей цинической откровенности, или по профанирующему разоблачению священного, или по резкому нарушению этикета» [1, с. 133].

Отдельной областью исследования является функционирование стёба в современном виртуальном пространстве. Дело в том, что в последнее время в Интернете («карнавализованном пространстве») появилось большое количество стёбовых «аватаров», которые очень похожи на карнавалы маски, поскольку демонстрируют инверсию верха и низа. Так, можно найти «аватар» с изображением ягодиц вместо лица. Не менее интересны и демотиваторы, посвящённые социальным и политическим проблемам. Н.Е. Вокуев справедливо полагает, что в них стёб «приближается к сатире» [7, с. 41]. К примеру, в Интернете можно найти демотиватор, на котором изображён портрет Л.Н. Толстого и рядом расположена следующая цитата этого выдающегося русского классика: «Сила правительства держится на невежестве народа, и оно знает это и потому всегда будет бороться против просвещения. Пора нам понять это». И портрет, и высказывание взяты в специальную рамку, под которой крупным шрифтом напечатано: «С тех пор ничего не изменилось» (см. также примеры Н.Е. Вокуева [7, с. 42]). Кроме того, считается, что стёб и троллинг – во многом сходные явления [7, с. 44].

Специального рассмотрения заслуживает вопрос о типологии стёба, который затрагивают в своих работах многие авторы. Однако приходится констатировать, что до сих пор не создана универсальная классификация данного явления. Можно указать лишь на попытки некоторых исследователей, стремившихся систематизировать стёб, оперируя конкретными примерами. Так, А.С. Кугаевский выделяет две его разновидности – *диффамационный* и *гипертрофирующий* (подробно см. [15, с. 145–146]).

Другой вариант типологии анализируемого явления предложил Н.Е. Вокуев, который разделяет стёб на *интеллектуальный* (высокий) и *маргинальный* (низкий). Примером первого, как он полагает, может служить песня Бориса Гребенщикова «Ткачиха» из альбома «Беспечный русский бродяга», где обыгрываются цитаты из Чжуан-Цзы, Гёте, Шекспира, Гоголя и других авторов, «перенесённые в современный контекст» [8, с. 163–164]. Н.Е. Вокуев считает, что интеллектуальный стёб может иметь «определённое ценностное содержание», воспевая дружбу и любовь [8, с. 164]. По его мнению, подобную цель преследуют создатели известного анимационного фильма «Шрек». Кроме того, позитивная сторона интеллектуального стёба связана с тем, что он, разрушая штампы, обновляет культуру, избавляя её «от всего устаревшего» [7, с. 38; 8, с. 164]. Маргинальный стёб, напротив, отсылает к низкой традиции. В качестве примеров обычно называются такие пародии на популярные фильмы, как «Горячие головы», «Очень страшное кино», «Самый лучший фильм». Сюда же относят много-

численные «радио-шутки» Николая Фоменко, а также наклейки с «прикольными» надписями в общественном транспорте, вроде «Заходи, садись, пристегнись и заткнись» или «Любишь кататься, люби и денежки платить». По мысли Н.Е. Вокуева, маргинальная разновидность стёба, «не имеющая под собой основания в виде определённых ценностей и всегда отсылающая к низкой культурной традиции, представляет некоторую опасность для культуры как деструктивный феномен» [8, с. 165].

В целом представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Стёб – довольно распространённое явление в современном информационном обществе. Этот феномен имеет игровой характер и связан с негативной идентификацией.

2. Исследователи предлагали разные определения стёба, позволяющие считать его многоаспектным явлением, идейные истоки которого обычно находят в народной смеховой культуре Средневековья, когда в карнавале смешивалось высокое с низким, мудрое с глупым. Стёб часто сравнивают с пародией, мениппеей, троллингом.

3. В России стёб возник в 1970-е годы, когда интеллигенция противопоставляла его официальному партийному «новоязу». Это была своеобразная защитная реакция. После распада СССР в 1991 году исчезла идеология, которая во многом определяла жизнь каждого советского гражданина, а стёб про-

должает существовать и по сей день, внося деструктивность в современное общество.

4. До сих пор нет универсальной типологии стёба. В специальной литературе можно встретить лишь попытки классифицировать данное явление. В частности, выделяют интеллектуальный и маргинальный стёб (Н.Е. Вокуев). Первый как будто бы способствует обновлению культуры, поскольку избавляет её «от всего устаревшего», тогда как второй всегда связан с низкой традицией («апелляцией к низу», по М.М. Бахтину) и представляет определённую опасность для современного общества.

5. Общий анализ современного стёба позволяет считать его в большинстве случаев негативным феноменом, предполагающим разного рода издевательства над моральными ценностями в духе карнавализованного действия. Причины подобного, как справедливо заметил ещё С.С. Аверинцев (1937–2004), связаны с упадком юмора в условиях нынешней демократии, которая «внешне уничтожила существующие иерархии, позволив смеяться над всем» [20, с. 50]. Вот почему «в условиях вседозволенности» стало невозможным «бытование ни комического как эстетической категории, ни смеховой культуры, поскольку по самой своей природе они являются реакцией на запрет, формой преодоления всевозможных ограничений» [20, с. 50].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений / М.М. Бахтин. – М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. – Т. 6. – 799 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Художественная литература, 1990. – 543 с.
3. Бойм С. От острашения к стёбу: риторика свободы в русской культуре XX в. / С. Бойм // Культуральные исследования : сборник научных работ / под ред. А. Эткннда, П. Лысакова. – СПб.; М. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2006. – С. 91–125.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
5. Бьяджо Д'Анджело. Пародия в средневековой романской литературе (1250–1350) / Д'Анджело Бьяджо. – (<http://ec-dejavu.ru/p/Parodia.html>).
6. Васильев С.С. Язык и текст СМИ как средство формирования массовой культуры / С.С. Васильев // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 4. – С. 157–162.
7. Вокуев Н.Е. Стёб офлайн и онлайн. Попытка теоретического осмысления / Н.Е. Вокуев // Человек. Культура. Образование. – 2011. – № 2. – С. 30–46.
8. Вокуев Н.Е. Феноменология стёба в современной массовой культуре / Н.Е. Вокуев // Аналитика культурологии. – 2010. – № 17. – С. 161–165.
9. Волчкова И.М. Пародия как знак дискурсивного пространства / И.М. Волчкова // Филология и человек. – 2007. – № 1. – С. 82–90.
10. Воротников Ю.Л. Культура русского языка на рубеже веков: шаг вперёд или два шага назад? / Ю.Л. Воротников // Россия и современный мир. – 2004. – № 2. – С. 146–159.
11. Воротников Ю.Л. Русский язык современных СМИ и осмысление новой российской действительности / Ю.Л. Воротников // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 3. – С. 28–31.
12. Гудков Л.Д. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях / Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин. – СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2009. – 304 с.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – СПб. – М., 1909. – Т. 4. – 1619 стб.
14. Довгаль И. Спасём ли «великий и могучий»? / И. Довгаль // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 5. – С. 72–73.
15. Кугаевский А.С. Художественная интерпретация товарного дискурса в романе Виктора Пелевина «Generation «П» / А.С. Кугаевский // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2006. – Вып. 9. – С. 144–157.
16. Нестеренко Ю.Л. Убить пересмешников! (О глумлении над добродетелями) / Ю.Л. Нестеренко. – (http://www.apn.ru/publications/article_20280.htm).
17. Помялов А.В. Специфика рекламных текстов в романе Виктора Пелевина «Generation «П» / А.В. Помялов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 76(1). – С. 282–284.
18. Романова Н.В. Кукла в культуре постмодернизма: сущность эстетической эволюции / Н.В. Романова // Преподаватель XXI век. – Т. 2. – № 4. – С. 236–243.
19. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. : Языки русской культуры, 1996. – 473 с.

20. Тепляшина А.Н. Аспекты комического в прессе постсоветской России / А.Н. Тепляшина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. – 2006. – № 8(63). – С. 49–54.
21. Фомин А.П. Виртуализация социальной реальности в современном мире / А.П. Фомин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 56. – С. 16–28.